

фракисийской — Михаила Лаханодроконта, букелларийской — Маниса. О них и главным образом о наиболее активном из них τῆς κακίας αὐτοῦ (т. е. императора) ἐπαξίως ἐργάτης, Михаиле Лаханодроконте, Феофан вписывает известия несколько раз: 1) и 2) 440,²⁴ по поводу их назначения императором и в разбираемом пассаже, 3) 445 (а. м. 6262) о решительном натиске на монашество со стороны Лаханодроконта во всей фракисийской феме, 4) 445,²⁸ (6263) о разгроме всех монастырей и истреблении всего монашества в феме уполномоченными комиссарами Лаханодроконта. Едва ли будет рискованным, несмотря на молчание в данном случае патр. Никифора, все-таки возводить эти сведения о главных „монахомах“ к тому же иконоборческому источнику. Только в нем мог почерпнуть Феофан уже первое сообщение с точной хронологической датой¹ и с весьма отчетливым распределением новых стратиггов по фемам: ни по памяти, ни по справке (да и зачем он мог об этом справляться?), ни, наконец, по какому-либо православному трактату (поскольку, кроме Феофана и Никифора, мы от конца VIII и начала IX в. общеисторических трудов не знаем) хронист не мог установить такого события, а в современной или почти современной, опубликованной хронике ему было совершенно естественно иметь место. Но спрашивается, зачем все-таки оно понадобилось Феофану, равно как и последующие сведения о терроре Лаханодроконта? Судя именно по последним, он интересовался из всех трех главных деятелей монахомахии почти исключительно Лаханодроконтом, который оставил по себе в монашеской среде, повидимому, тяжелую и страшную память.² Он очень долго стоял стратиггом: погиб в сражении с болгарами уже при Константине VI (Ирине) в 791 г. Это „драконоименное наследие“ Константина V мог хорошо помнить и сам Феофан. Две ненавистные фигуры ассоциировались друг с другом. Страшный стратиг, во всем походивший на своего учителя,³ выполнявший все его желания, сливался в представлении Феофана с самим императором; и его неистовства еще ярче характеризовали мрачное царствование Константина V. Сталкиваясь в своем источнике (а в иконоборческой хронике об этом не могло не быть речи) с изображением монахоборческой ревности Михаила Лаханодроконта, Феофан не мог пройти мимо этих, действительно крутых „ἀνοσιουργήματα“. Он и передает их в общем, повидимому, так, как они были рассказаны в старой летописи: точно, живо и деловито, даже не передельвая, так как он опять-таки убежден, что факты говорят за себя. Первый из привлекаемых нами эпизодов стоит под а. м. 6262.⁴ В нем мы читаем о том, что Лаханодроконт согнал в Эфес всех монахов и монахинь, находившихся в пределах фракисийской фемы, вывел их на равнину и заявил им: „Кто желает повиноваться императору и нам, пусть тотчас же облечется в светлое платье и возьмет себе жену; кто же не поступит так, будет ослеплен и сослан на Кипр!“ За словом последовало и дело, и много мучеников явилось в тот день. Но многие погубили себя отступничеством — к ним благосклонно относился Дракон. В том же индикте, в январе месяце у императора Льва и Ирины родился сын и был назван Константином, еще при жизни деда Константина. Самая

¹ Theoph. 440,²⁴. „Τῆ δ' αὐτῆ ε' ἰνδικτιῶν προβαλλεται στρατηγὸς ὁμόφρωνας αὐτοῦ καὶ τῆς κακίας αὐτοῦ ἐπαξίως ἐργάτας . . .“.

² Имя это весьма распространено в агиографии.

³ Theoph. 445,³. „μιμητάμενος ὁ Λαχανοδράκων τὸν διδάσκαλον“.

⁴ Theoph. 445,³⁻¹⁴.